

В. В. ТИХОМИРОВ

**ТВОРЧЕСТВО Н. А. НЕКРАСОВА
В ОЦЕНКЕ В. А. ЗАЙЦЕВА**

Об осмыслении творчества Некрасова революционно-демократической критикой сказано немало. Определилось мнение, что, хотя критики революционеры-демократы и не писали специальных статей о некрасовской поэзии, тем не менее именно они первыми указали на многие своеобразные качества Некрасова-поэта. Общеизвестно также, что одна из немногих прижизненных критических статей о Некрасове, исходивших из демократического лагеря, принадлежала ниспровергателю поэзии, нигилисту из нигилистов — В. А. Зайцеву. Эта рецензия на III часть «Стихотворений Н. Некрасова», опубликованная в 1864 году, заметно отличается от других, большей частью разгромного характера, статей «Русского слова», посвященных поэзии.

Как же соотносится критическая оценка некрасовского творчества, принадлежащая В. А. Зайцеву, с общей концепцией революционно-демократической критики относительно Некрасова и поэзии вообще?

По отдельным высказываниям революционеров-демократов-шестидесятников, по переписке их с Некрасовым можно судить о том, что они прежде всего ценили в поэте демократическую направленность, гражданственность его поэзии, верность передовым идеалам эпохи. Руководствуясь этими критериями, Чернышевский ставил Некрасова как поэта выше не только всех современников, но и выше Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Об этом достаточно подробно сказано В. И. Кулешовым в статье «Некрасов в русской критической мысли»¹.

¹ Сб.: Некрасов и русская литература. М.: «Наука», 1971, с. 173—178.

В письмах Чернышевского, написанных после выхода сборника стихотворений Некрасова 1856 года, наряду с широко известной общей положительной оценкой некрасовской поэзии, обращают на себя внимание кажущиеся несколько необычными для революционно-демократического критика мысли о том, что он предпочитает у Некрасова стихотворения без тенденции, «поэзию сердца», а не «поэзию мысли». Интересно следующее признание Чернышевского: «...Я смотрю (лично я) на поэзию вовсе не исключительно с политической точки зрения. Напротив, политика только насильно врывается в мое сердце, которое живет вовсе не ею, по крайней мере, хотело бы жить не ею»².

Подобные высказывания Чернышевского лишней раз показывают, что в своих суждениях о литературе критик исходил из представления о значимости не голой назидательности (в чем его упрекали), а мысли, пропущенной сквозь призму поэтического сердца, искренней, прочувствованной, глубокой.

Высоко оценивая общий гуманистический пафос лирики Некрасова, Чернышевский в то же время не соглашается с теми стихотворными строчками, где поэт высказывает сомнения в собственном таланте, в своих поэтических силах, в ценности своей поэзии. Поэтические рефлексии Некрасова критик склонен объяснить исключительно личными обстоятельствами жизни поэта, но вряд ли это так: столь частые у Некрасова мрачные и даже скорбные ноты были порождением сознательной поэтической позиции, отражавшей сложные идейные и художественные поиски поэта, пытавшегося найти свое место в пестрой, противоречивой обстановке России периода назревания первой революционной ситуации.

Чернышевскому хотелось видеть в Некрасове последовательного, негибкого деятеля, надежного союзника в общественной борьбе, и критик предостерегает поэта от возможных заблуждений, разочарований, хандры, от тех глубоко драматичных лирических излияний, без которых мы не мыслим поэзии Некрасова.

В оценке Некрасова-поэта с Чернышевским был солидарен Добролюбов, очень скептически относившийся к русской поэзии середины XIX века из-за того, что она

² Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений, том 14, М., 1949, с. 322—323.

отставала от потребностей времени, от достижений эпического и Драматического родов русской литературы. В рецензии на «Стихотворения Ивана Никитина» (1860 год) критик прямо декларирует: «Дело поэзии—жизнь, живая деятельность, вечная борьба ее и вечное стремление человека к достижению гармонии с самим собой и с природой»³. «Нам нужен был бы теперь поэт,—высказывает свою программу Добролюбов, — который бы с красотой Пушкина и силой Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова»⁴. Из других высказываний Добролюбова, приведенных, в частности, в указанной выше статье В. И. Кулешова, явствует, что именно такого поэта критик и видел в Некрасове. Обращаем внимание на то, что революционно-демократическая критика отмечала не только обличительную, сатирическую направленность некрасовской поэзии, но и находила у поэта позитивные, здоровые идеалы, основывавшиеся на демократических началах, уважении к народу. Эта тенденция будет поддержана позднее и в статье В. А. Зайцева.

До Зайцева о Некрасове в «Русском слове» еще в 1861 году писал довольно подробно Вс. Крестовский, краткую характеристику его поэзии дал также Д. И. Писарев в статье «Писемский, Тургенев и Гончаров». Рецензенты «Русского слова» обращали внимание на то, что основой всего некрасовского творчества является трезвое и строгое отношение к жизни. Собственно художественная сторона поэзии, по мнению рецензентов, для Некрасова не существенна.

Автор анонимной рецензии в № 11 «Русского слова» за 1861 г. (возможно, это был тот же Вс. Крестовский, подписавший статью в следующем, 12 номере журнала, во многом продолжавшую мысли предыдущей) отметил и наличие позитивных начал в некрасовской лирике: «Только тот поэт способен беспощадно обнажить перед нами язвы нашего общества, кто верит в его силы; в противном случае поэтом-обличителем неминуемо овладевает уныние», — заключает рецензент⁵.

В следующей статье «Русского слова» о Некрасове Вс. Крестовский откровенно указал, что его интересуют

³ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1963, с. 176.

⁴ Там же, с. 168.

⁵ «Русское слово», 1861, № 11, с. 79.

«отношения Некрасова как поэта, как общественного деятеля к проявлениям нашей народной и общественной жизни»⁶.

Отмечаемая критиком социальность, присущая поэзии Некрасова в большей степени, чем кому-либо из русских поэтов, видимо, особенно интересует Вс. Крестовского как будущего автора «Петербургских трущоб». Но автор статьи улавливает и то, что некрасовскую поэзию нельзя сводить лишь к беспощадному обличению, и постоянно подчеркивает веру поэта в грядущее, в нравственные силы народа. Новый подход к народной теме заметил Вс. Крестовский в «Коробейниках», где Некрасов показал «великую и грозную своим величием простоту» русской народной жизни, «нечто в высшей степени жизненное», «нечто трогающее, задевающее и поэтическое»⁷. После «Коробейников» народная тема в некрасовской поэзии поднимается на новую ступень, отмечает рецензент «Русского слова».

На фоне позитивной общей оценки поэзии Некрасова демократической критикой статья В. А. Зайцева, опубликованная в № 10 «Русского слова» за 1864 год, воспринимается как прямое продолжение этой традиции. Важно то, что идейная оппозиция по отношению к «Современнику» не помешала критике «Русского слова» по достоинству оценить творчество его редактора. Это, видимо, свидетельствует о принципиальности и субъективной честности публицистов «Русского слова», которые руководствовались в полемике не личными соображениями (хотя Салтыков-Щедрин, например, обвинял Писарева в личной пристрастности к нему из-за статьи «Цветы невинного юмора»), а своими глубокими убеждениями.

В. Зайцев, как и большинство других рецензентов стихотворений Некрасова, упрекает современную ему критику, не сумевшую осмыслить новое слово, сказанное поэтом. Некрасов представляется критику «мыслителем глубоким и честным», высоким гуманистом, народным поэтом, «потому что герой его песней один — русский крестьянин»⁸.

Особо отмечает критик тот факт, что Некрасов — поэт субъективный, мыслящий, «и мысли свои, глубокие и

⁶ «Русское слово», 1861, № 12, с. 53.

⁷ Там же, с. 65—66.

⁸ «Русское слово», 1864, № 10, с. 80.

светлые, передает в прекрасных, свободных стихах... По предмету своему, по своему герою стихотворения г. Некрасова не имеют равных во всей русской литературе»⁹.

Наибольшее внимание Зайцев уделяет только что опубликованной поэме «Мороз, Красный нос», в частности, он характеризует сон Дарьи как картину крестьянского счастья. Здесь Некрасов, по мнению критика, сумел воплотить в художественном единстве социальный протест и идеал, причем «насколько силен протест, настолько же высок и идеал, помещенный рядом с протестом»¹⁰.

Мысль о сочетании в некрасовском творчестве протеста и идеала чрезвычайно важна в устах рецензента «Русского слова» и неоднократно повторяется в полемике с критиками, выдевшими в Некрасове лишь «отчаянного отрицателя». Совершенно справедливо Зайцев утверждает, что «всякое отрицание есть вместе с тем положительное желание»¹¹. Тем более странно, что Зайцев вслед за Писаревым в то же самое время не увидел «положительных желаний» в сатирическом творчестве Щедрина.

Положительная оценка Зайцевым некрасовской поэзии выделяется не только на фоне острой полемики между «Русским словом» и «Современником», но и в сравнении с общим отрицательным суждением радикальной критики 1860-х годов о поэзии. Тот же В. Зайцев еще в 1863 году, задолго до нашумевшей статьи Писарева «Пушкин и Белинский»; в ряде рецензий о русских и зарубежных поэтах дал резкие, полные крайней нетерпимости оценки творчества Пушкина, Лермонтова, Фета, К. Павловой и других поэтов, гораздо более резкие, чем у Чернышевского и Добролюбова. В рецензии на «Историю французской литературы» Юлиана Шмидта Зайцев писал: «Пора понять, что всякий ремесленник настолько же полезнее любого поэта, насколько положительное число, как бы ни было мало, больше нуля». Далее он оговаривается: «Разумеется, речь идет о служителях чистой поэзии, гнушающейся служить какому-нибудь практическому делу»¹².

⁹ «Русское слово», 1864, № 10, с. 81.

¹⁰ Там же, с. 85.

¹¹ Там же, с. 82.

¹² Зайцев В. А. Сочинения, т. I, М., 1934, с. 34.

Последняя оговорка во многом разъясняет отношение критика к Некрасову, как раз отличающемуся от других поэтов служением народу, его идеалам, борьбой с его врагами. Это лишний раз подтверждает, что в отношении к поэзии критики «Русского слова», и Писарев, и еще раньше его Зайцев¹³, руководствовались рационалистическими, в основе своей позитивистскими критериями критической оценки.

Будучи в начале 1860-х годов более целеустремленным и решительным противником эстетики, чем Писарев, Зайцев попытался опереться на теоретические основы реальной критики Добролюбова, чтобы утвердиться на позициях критика-публициста. В статье «Белинский и Добролюбов» Зайцев делает попытку противопоставить методы этих двух критиков, подчеркивает, что, если Белинский мог «разбудить и расшевелить общество», «почти не выходя из пределов эстетической критики», то «Добролюбов уже не мог оставаться в таких тесных рамках, если желал служить обществу», — «он преследовал не литературные цели, а общественные», — хотя «писал преимущественно статьи критические, но критиком не был и не мог быть»¹⁴, а был публицистом и сатириком. Зайцев ссылается на высказывания самого Добролюбова, подчеркивавшего, что «роль критика есть не только суждение «о литературе», но суждение «по литературе» об обществе». Стороннику «реальной критики», утверждает Зайцев вслед за Добролюбовым, «нет дела до того, что хотел сказать автор, а важно лишь то, что он сказал»¹⁵.

Метод «реальной критики» Добролюбова, критики «по поводу», а не по существу того или иного художественного произведения, Зайцев возводит в абсолют, доводит его до логического завершения, до отрицания значимости эстетического анализа вообще. С этими критериями Зайцев подходит к оценке некрасовской поэзии. Он, в частности, считает, что поэзия Некрасова лишена тех поэтических условностей, «метафор и аллегорий», которые так не нравятся Зайцеву у других поэтов, например, у Лермонтова. Некрасов, по мнению критика, прежде

¹³ Зайцев В. А. Сочинения, т. I, М., 1934, с. 37—39.

¹⁴ Там же, с. 196.

¹⁵ Там же, с. 198, 199 (подчеркнуто автором. — В. Т.).

всего мыслитель, заботящийся о нѹждах народа и «лишь, облакающий свои мысли в особую стиховую форму»¹⁶.

Отсюда можно сделать прямой логический вывод, что стихотворения Некрасова — и не поэзия в обычном понимании, а что-то вроде ритмизированной прозы, главный интерес которой — в воплощенной логической мысли.

Для радикальной критики 60-х годов поэзия Некрасова не существовала как эстетический феномен, который можно и нужно было характеризовать именно в таком качестве. В. Зайцев в своей оценке русской поэзии, в том числе и Некрасова, руководствуется принципами анализа, как это ни парадоксально, сближающимися с рационалистическими теориями XVIII века, например, с теориями Сумарокова, резко нападавшего на ломоносовскую поэзию за ее метафоричность, за образный риторический стиль. Не в этом ли, хотя бы отчасти, причина постоянных сомнений Некрасова относительно достоинств его поэзии? Не оказала ли критика в данном случае медвежью услугу Некрасову, поддерживая идею о том, что в его поэзии преобладает содержание, мысль над формой, образом?

Известный французский некрасовед Ш. Корбе писал, что «современникам Некрасова для того, чтобы оценить его стихи, нужно было отбросить определенные предрассудки: предрассудок, касающийся поэтического сюжета, предрассудок, связанный с представлением о жанровых границах произведения, и, наконец, предрассудок, относящийся к привычным формам литературного языка»¹⁷. Эта необходимость «преодоления предрассудков», очевидно, касалась и демократической критики, которая воспринимала и тематическое новаторство Некрасова, и смещение жанровых границ, и непоэтичность его языка как нарочитую прозаизацию и деэстетизацию поэзии, т. е. почти отказ от художественного образа, к чему, в сущности, призывали такие «разрушители эстетики», как Писарев и Зайцев. Не случайно последний в начале своей статьи о Некрасове подчеркивал, что он подходит «к его сочинениям с теми же требованиями», что и «к произведениям критика, историка, публициста, беллетриста»,

¹⁶ Зайцев В. А. Сочинения, т. I, М., 1934, с. 505.

¹⁷ Цит. по: Подгаецкая И. Ю. Соотношение «народного» и «национального» в поэтическом стиле. — В кн.: «Типология стиливого развития XIX века». М., «Наука», 1977, с. 85.

что он требует от автора «честной, свежей мысли, верного взгляда на предмет, выбранный писателем, и ясно-го изложения своего мнения»¹⁸.

Некрасов для Зайцева прежде всего поэт мысли, идей, и самый идеал поэта, воплощенный во сне Дарьи в поэме «Мороз, Красный нос», — представляется критику головным, созданным не столько «фантазией крестьянки», но «самым развитым человеком»¹⁹, т. е. самим поэтом.

В серьезность авторского идеала Зайцев верит, но в его достоверность в представлении русской крестьянки — нет. «Только в розовом чаду опиума или смерти от замерзания могли предстать перед ней эти чудные, но никогда не бывалые картины», — пишет критик, — и «если бы в минуту смерти крестьянке грезилось ее действительное прошлое, то она бы увидела побои мужа, не радостный труд, не чистую бедность, а смрадную нищету»²⁰. Е. В. Ермилова называет сон Дарьи «почти райским видением»²¹, и эта-то идиллия крестьянского быта оказалась неприемлемой публицисту «Русского слова», относившемуся к народу в годы спада революционной ситуации с куда большей настороженностью, чем Некрасов и вообще круг сотрудников «Современника».

Сам же Некрасов под пером Зайцева становится своего рода «рыцарем без страха и упрека», почти идеальным героем, тем деятелем, стремящимся к народному благу, какого искала прогрессивная критика в жизни и в литературе. Критик не считает характерными для Некрасова стихотворения, исполненные рефлексии и сомнений, вроде «Рыцаря на час» и «Тишины», и в этом он, очевидно, оказывается единомышленником Чернышевского. В полемике со славянофильским критиком Н. М. Павловым, видевшим в рефлексиях «Рыцаря на час» истинную поэзию, идущую «от полноты сердца, без всяких предвзятых тем»²², Зайцев явно иронично воспринимает тип «лишнего, бесполезного человека» — Валежникова, героя этого поэтического отрывка, хотя оговаривается, что у Некрасова этот характер показан таким

¹⁸ «Русское слово», 1864, № 10, с. 79.

¹⁹ Там же, с. 84.

²⁰ Там же, с. 85.

²¹ Ермилова Е. В. Народно-поэтическое мышление в поэтическом стиле (Некрасов). — В кн.: Типология стилевого развития XIX века. М., «Наука», 1977, с. 78.

²² Павлов Н. М. Наше переходное время. М., 1888, с. 80.

искренним, «в выражениях его столько чувства, ума и благородства, что мы не решимся презирать его или смеяться над ним, как презираем талантливые натуры, которые загубила среда, и как смеемся над разочарованными идиотами вроде Печорина»²³.

«Тишину» же критик вообще называет «забытыми стишками», «которым место... в отделе юмористических». Настоящие стихи возникают не из рефлексий, утверждает в заключение Зайцев, а «текут из мысли, а мысль (Некрасова — В. Т.) сильна и свежа»²⁴ — поэтому ей не грозит забвение, а некрасовской поэзии — упадок.

Таким образом, статья В. Зайцева о Некрасове, при всей ее доброжелательности и кажущейся объективности анализа, представляет собой образец той же реальной критики, которая была характерна вообще для критиков-публицистов «Русского слова». Если Чернышевский еще декларировал преимущества «поэзии сердца» по сравнению с «поэзией мысли» (хотя на деле чаще предпочитал последнюю), то Зайцев, как и Писарев, в своем отношении к поэзии более последователен: для него существует только поэзия мысли, идея, выраженная в условной стихотворной форме.

По сути дела поэзия Некрасова, противопоставляемая традиционной поэзии, для демократической критики была чем-то вроде «антипоэзии». Следовательно, сама поэзия, как род литературы, воспринималась реальной критикой, пусть с отрицательным знаком, но традиционно, как нечто абсолютно противоположное прозе. В то же время признание, хотя и не полное и не адекватное, некрасовской поэзии, как будто корректировало отрицательное отношение к стихам со стороны «разрушителей эстетики» и предполагало в дальнейшем более углубленное осмысление идейно-художественного новаторства Некрасова-поэта, которое, в сущности, невозможно без учета опыта демократической критики.

²³ «Русское слово», 1864, № 10, с. 87, 88.

²⁴ Там же.